

2) вторичность вербально-когнитивной объективации (когнитивный фактор) и

3) имплицитный характер смысловой реализации (дискурсивный фактор). Все указанные параметры и позволяют предположить, что ценность занимает особое место в ряду когнитивных доминант языковой картины мира, выступая в качестве своеобразного фокуса синергии языка, сознания и культуры.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура – М.: Изд-во «Аналитика Родис», 2011. №1. С. 23-43.

Алефиренко, Н.Ф. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. 2004. №2. С. 60-66.

Алефиренко, Н.Ф. Событийная синергетика имплицитности текста в лингвопоэтическом освещении // Вестник ТГГПУ. 2011. №1(23). С. 114-119.

Алефиренко, Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. Спб., 2002. №2. С.60-74.

Даль, В.И. Пословицы русского народа. – М.: Изд-во ЭКСМО, Изд-во ННН, 2005. 616 с.

Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г., Николаева, Е.К. Большой словарь русских пословиц / под общ.ред В.М. Мокиенко. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. 1024 с.

Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени, восприятия). М.: Гнозис. 344 с.

Summary. The problem of the linguocognitive status of value in line with the cognitive-synergetic theory of N.F. Alefirenko is explored. The basic properties of the value as linguocognitive category are described. The stages of indirectly derivative category, with use of author's methodology of cognitive-pragmatic modeling, are detailed. Pragmatic and discursive features of representation of the value in the context of proverbs are characterized.

Key words: proverb, value, concept, frame, discourse.

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА «ВЛАСТЬ» В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

О.Н. Прохорова, И.В. Чекулай

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
prokhorova@bsu.edu.ru

Термин «внутренняя форма», введённый ещё А.А. Потебнёй, завоевал прочные позиции в современных семантических исследованиях. Однако содержание этого термина подвергается постоянному переосмыслению в силу диалектической противоречивости этого научного понятия. Как отмечает Н.Ф.Алефиренко, «признание за внутренней формой семного статуса ставит перед исследователями новые вопросы, и прежде всего о том, к какому ярусам языкового значения она относится – денотативному, сигнификативному или коннотативному?» (Алефиренко 2005: 135). Эта проблема до сих пор остаётся одной из важнейших проблем лингвистической семантики.

На наш взгляд, проблема состоит не собственно в онтологических параметрах внутренней формы, а в её статусе свойства лексических и фразеологических единиц, определяющего их семантическую, функционально-прагматическую, а в конечном счёте и дискурсивно-коммуникативную специфику. Более того, такая специфика обусловлена теми структурами знания, которые формируют содержательное ядро данных единиц языка и речи. Следует отметить, что существуют и такие структуры знания, которые отражают как предметное содержание, так и обладают широким спектром интерпретационных оценочных потенциалов, позволяющих языковым единицам, означивающим данные структуры знаний, интенсивное функционирование в конкретных ситуациях общения, а тем самым и обуславливающих их прочное место в ряду такой области культурно-языковых знаний, как паремиологический фонд языка. Одной из таких структур знаний является концепт «Власть».

Рассмотрим его структурирование и паремиологический потенциал в русской и английской языковых картинах мира.

У русского народа всегда было особое отношение к власти. Но, очевидно, это особенность не только русского народа, а универсальная черта человеческого менталитета в целом, поскольку вопрос о власти, начиная от власти старейшин первобытного общества и кончая властной структурой XXI века, всегда был одной из важнейших проблем функционирования социального организма.

В Священном Писании встречается много апелляций к данной проблеме, и все они имеют далеко неоднозначное решение. Интересная трактовка отношения к власти встречается в частности, в Евангелии от Матфея:

Больший из вас да будет вам слуга: ибо кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится (Матф., Гл. 23, ст.11-12).

Власть как таковая всегда находилась в двойственном, щекотливом положении; с одной стороны, необходимо удерживать своё господствующее положение, а с другой стороны, необходимо если не заигрывать с подданными, то, по крайней мере, суметь не перегнуть палку в отношениях власть имущих и людей. Именно по этой причине народ, видящий это двойственное положение, в зависимости от ситуации по-разному относится к власти. Это всё находит отражение и в системе языка в целом, и в фразеологической системе языка, в частности.

Переходя к языковому осмыслению данного явления, считаем необходимым обратиться к словарным дефинициям данного термина в русском языке:

1. Право управления государством, политическое господство, права и полномочия государственных органов.
2. Органы государственного управления, правительство, должностные лица, начальство.
3. Право и возможность распоряжаться, повелевать, управлять кем-либо или чем-либо.
4. Могущество, господство, сила. *Ваша власть* –

как вам угодно, ваше дело. *В моей (твоей, его и т.д.) власти* – зависит от меня, касается меня. *Во власти или под властью* – под воздействием, под влиянием. *Отдаться во власть, отдаться или предаться власти* – подчиниться кому-либо или чему-либо, оказаться под воздействием кого-то или чего-то. *Терять власть над собой* – терять самообладание. Глагол “властвовать” используется в значениях управлять, править (страною, государством), подчинив своей воле, распоряжаться кем-либо или чем-либо, управлять, оказывать воздействие, подчинять своему влиянию (Ожегов 1990: 183–184).

В английском языке слово *power* употребляется в следующих значениях:

1 способность делать что-то или действовать... 2 определенная способность (свойство) человеческого тела или ума... 3 а правление, влияние или авторитет; б политическое или социальное господство или контроль... 4 санкция, делегированный авторитет... 5 персональное господство; б влиятельный человек, группа или организация... 7 а военная сила; б государство, имеющее международное влияние, особенно основанное на военной силе... 8 сила, энергия; 9 действующее свойство или функция чего-либо... 10 разг. большое число или количество чего-либо... 11 возможность использовать механическую силу или делать какую-то работу (*лошадиная сила*). 12 механическая или электрическая энергия (в отличие от ручного труда)... 13 а доставка (особ. электрической) энергии; б определенный источник или форма энергии (гидроэлектрическая энергия); 14 используемая механическая сила... 15 физ. показатель выходной мощности; 16 продукт, полученный в результате увеличения (умножения) какого-то числа в несколько раз... 17 увеличительная способность линз...” (Oxford 1996: 1135–1136).

Как нетрудно заметить, в основе этих дефиниций лежит такой деонтологический категориальный концепт, как «Возможность», «Способность». Действительно, человек или группа людей, обладающих властью в социуме в целом или в определенной области развития данного социума, всегда имеют какие-то дополнительные возможности по сравнению с «простыми» людьми.

С другой стороны, очень важным семантическим компонентом, слагающим понятие «власти», является концепт «Сила». Именно в этой области наблюдается большое количество метафорических и метонимических переносов, как правило, представленных ассоциациями с определёнными лицами или животными. Так, в русском языке очень много пословиц представлено концептом «Царь», в частности:

Народ – тело, царь – голова.

Нельзя земле без царя стоять.

Царь думает, а народ ведаёт (Даль 2007: 199-200).

То же следует сказать и об английском языке, где соответствующий, но не совпадающий по семантическим параметрам концепт «*King*» имеет аналогичные семантические функции, в частности:

*The King can do no wrong.
Kings go mad, and the people suffer for it.
Kings have long arms* (Кунин 2006: 531).

Что же касается анималистической семантики в области фразеологии, отражающей концепт «Власть», подавляющее большинство случаев относится к метафоре власти в знаковой форме таких животных, как лев и орёл (или иная хищная птица), как в русском, так и в английском языке. Это, очевидно, явная семиотическая универсалия, поскольку символика орла (Российская Федерация, США, Соединённые Штаты Мексики, Австрии и многих других стран) является характерной чертой оформления гербов государств. Но то же можно сказать и о льве (Соединённое Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Чешская Республика и др.). Примечательно, что ни в русском, ни в английском языках данная семантическая черта не нашла яркого отражения в семантической структуре фразеологических единиц. Тем не менее, отдельные случаи употребления лексических единиц, отражающих данные концепты, находят отражение в устойчивых словосочетаниях английского и русского языков в несколько иной импликации: неустойчивого, опасного положения в контакте с кем-то сильным, обладающим властью, в частности:

The lion is not so fierce as he is painted (ср.: англ. *The devil is not so black as he is painted*, рус. *Не так страшен чёрт, как его малюют*).

В принципе, семантика власти весьма обширна для того, чтобы передать все её тонкости в пределах одной статьи. В связи с последним представляется целесообразным остановиться только на одной стороне семантических категориальных признаков данных концептов в их отражении в фразеологической системе языка, а именно, на аксиологической специфике фразеологических единиц с данными компонентами. Что же касается предметного содержания концепта «Власть», то мы хотели бы остановиться на прототипическом значении, наиболее часто ассоциируемого в связи с данной лексической единицей, а именно – на государственной власти.

Как известно, аксиология является составной частью философских знаний, предметом которой являются ценность и оценка как порождения человеческой мысли в отражении внешних феноменов. Мы намеренно не говорим «оценочная специфика фразеологизма», поскольку, как будет показано дальше ценность и оценка не суть одно и то же. Ценность является квалификационным представлением о людях, живых существах, вещах, природных и социальных феноменах и тому подобному, а оценка – это отражение ценности в формах экспликации человеческих знаний, и прежде всего – в форме языковых единиц, в том числе и фразеологических. Поэтому следует различать ценностное содержание определённых концептов и их оценочную экспликацию, которую и следует назвать оценкой (Чекулай 2006).

С этих позиций «Власть», несомненно, является ценностью. Можно по-разному судить об одном и том же временном состоянии дел в государстве, непосредственно связываемым с людьми, стоящими

у его руля, и, как правило, так и происходит. В частности, в русском менталитете по-разному оцениваются периоды пребывания в должности Генерального секретаря КПСС И.В.Сталина, Н.С.Хрущёва, Л.И.Брежневца, М.С.Горбачёва, равно как и пребывание последнего в роли Президента СССР, а Б.Н.Ельцина – Президента РФ. Одни люди говорят, что Сталин был преступником, а другие – что он спас страну от Гитлера; одни говорят о застое, а другие – о стабильности в годы брежневского правления; одни одобряют курс Горбачёва на перестройку и открытость, а другие говорят, что он отдал страну на растерзание Западу. Оценки разнятся, но объективно состояние государства в годы правления определённого человека представляет собой историческую ценность.

Такая ценностная специфика концепта «Власть» получает очень противоречивые оценочные импликации в форме фразеологических единиц языка в абстракции концепта «Власть» от определённого периода в правлении той страны, в языке которой существуют такие паремии. Наиболее важным в исследовании данного феномена, по нашему мнению, является то, что, независимо от страны и языка, независимо от общего взгляда на историю государственной власти в стране фразеологическая система отражает ценностную и оценочную многогранность этого понятия. Обратимся непосредственно к устойчивым единицам английского и русского языков.

Как отмечалось выше, наиболее стабильная метонимическая модель связывает власть с правителем или иным главным лицом в иерархии государственной системы. В русском языке это «Царь», а в английском – «King».

К царю-батюшке люди относились по-разному, что и нашло отражение в таких специфических пословицах:

Положительное оценочное содержание:

Нельзя земле без царя стоять.

Без царя – земля вдова.

Царь города бережет. Царь от Бога пристав и др.;

Противоречивое оценочное содержание:

Не судима воля царская.

У царя руки долги. Царский глаз далече сягает.

Близ царя – близ смерти. Близ царя – близ чести и др.

Отрицательное оценочное содержание:

Царь не огонь, а, ходя близ него, опалишься.

Царю из-за тына не видать.

Царские милости в боярское решето сеются (Даль 2007: 199-201).

В английском языке количество пословиц с вершинным лексическим компонентом *king* намного меньше, нежели в русском, но и эти показатели дают достаточно объективную картину противоречивой оценочной квалификации высшей государственной власти:

Положительное оценочное содержание:

The king can do no wrong.

Отрицательное оценочное содержание:

Kings go mad, and the people suffer for it.

Kings have long arms (Кунин 2006: 532).

Говоря о принципиальной гомогенности неоднозначного отношения к высшей государственной власти в оценочно-фразеологической картине мира в английском и русском языках, следует, однако, заметить, что в русском языке выделяются две важные фразеологические сферы, о существовании которых в английской фразеологии в системном виде говорить едва ли можно. Это сферы отношения царя к Богу и к своему близкому окружению.

Бог как высшая абсолютная и тем самым наиболее справедливая власть всегда представляется носителем положительного оценочного отношения к власти. Царь же может выступать либо в качестве верного слуги и соратника Господня, либо же он предстаёт в антитезе Богу, поскольку царь – это человек с его слабостями и недостатками. Именно поэтому пословицы этой частной сферы можно разделить на две группы:

– Царь – соратник Бога, его представитель на земле:

Бог помилует, а царь пожалует. Бог помилует, так и царь пожалует.

Кто Богу не грешен, царю не виноват.

Всё во власти Божией да государевой.

Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится и др.

– Царь – не Бог, а человек со слабостями:

Народ согрешит – царь умолит; царь согрешит – народ не умолит.

Суд царев, а правда – Божия.

Без правды боярской царь Бога прогневит (Даль 2007: 199-201).

Здесь также можно условно выделить частную сферу, где отношение к царю в связи с его ролью как главного Божьего слуги противоречиво и зависит от той ситуации. Где эксплицируются данные фразеологические единицы:

Одному Богу государь ответ держит.

За царское согрешение Бог всю землю казнит, за угодность милует.

Коли царь Бога знает, Бог и царя, и народ знает (Даль 2007: 200).

Другая важная оценочная сфера ценностного отношения к высшей государственной власти как единой аксиологической сущности является отношение царя и его близкого окружения, прежде всего, тех прочих государственных деятелей и даже просто царской обслуги, которые прямо или косвенно оказывают влияние на государственную политику. В русском менталитете сложилось достаточно устойчивое мнение о том, что благие намерения правителя всегда искажаются его

приближёнными, ищущими личную выгоду, и на эту тему существует достаточно большое количество пословиц, в частности:

Жалует царь, да не жалует псарь. Воля царю дать ино и псарю.

В этой пословице отражается известная историческая аллюзия на опричнину во времена правления Ивана Грозного. Как известно, своего рода эмблемой опричнины была метла с собачьей головой, за что их в народе и прозвали «псарями».

Интересны и другие многочисленные пословицы данной оценочной сферы:

Не от царей угнетение, а от любимцев царских.

Не бойся царского гонения, бойся царского гонителя.

Царю из-за тына не видать.

Царь гладит, а бояре скребут.

Не князь грешит, а думцы наводят и др. (Даль 2007: 200-201), ср. также в украинском *Не так страшні пани, як підпанки*.

В отношении простого народа к «промежуточной» власти также наблюдаются черты, общие и в русском, и в английском менталитете, и это находит отражение в устойчивых словосочетаниях. В целом можно утверждать, что и у русского, и у английского народов в целом сложилось отрицательно-недоверчивое отношение к власти предрержащим. Здесь можно выделить следующие ценностно-оценочные понятийные сферы:

– суд и юриспруденция: в русском языке *Не бойся закона, бойся судьи; Закон как дышло: куда повернёшь – туда и вышло; Законы святы, да законники супостаты*, в английском языке *as grave as a judge* (т.е. надутый, важный); *devil's advocate* (злостный критикан, злопыхатель);

– высшее военно-морское начальство: в русском языке *Красная нужда – дворянская служба; Не довернёшься – бьют, и перевернёшься – бьют* (солдатская пословица со значением «Начальству не угодишь»), в английском языке *The admiral of the red* (военно-морской фразеологизм, означающий пьяницу, обычно высокого ранга);

– начальник безотносительно сферы деятельности: в русском языке *Я начальник – ты дурак, ты начальник – я дурак; Хоть мочальник, да твой начальник; Из грязи да в князи; Кто в кони пошёл, тот и воду вози!*

В английском языковом менталитете концепт, соответствующий русскому «Начальник», не выражен столь чётко, как в русском понимании слова, выражающего данный концепт. В российском сознании это даже не составная часть концепта «Власть», а особый концепт, важная составляющая единого мировоззрения на общество. В концепт «Начальник» вполне можно включить такие частные концептуально-культурные данности, как «Чиновник», «Милиционер» (в особенности в клише «Гражданин начальник»), «Шеф» и некоторые другие. В просторечии даже в обращении, например, к водителю маршрутного

такси употребляется лексема *командир*, отражающая данный концепт. В английском языке лексическое поле для выражения представителя частного проявления власти не является столь обширным, и поэтому количество фразеологических единиц с использованием соответствующих лексем в этом языке также в целом малочисленно. Среди ярких примеров их использования можно указать следующие:

Lord and master (шутл. супруг и повелитель; хозяин, глава), *New lords, new laws* (приблизительно соответствующее русскому «Новая метла по-новому метёт»); *Like master, like man* («Каков хозяин, таков и работник»); *Serve two masters*.

Хотелось бы отметить ещё одну важную общую черту, отмечающую фразеологические единицы, обозначающие представителя частной формы власти, в английском и русском языках; а именно высокая степень их метафоричности. Для обозначения начальства используется достаточно большое количество лексем из семантических сфер растительного и животного мира, например *Большая шишка*, *Большой перец*, *Вожак стаи*, *Big fish / big dog / big bug* и многие другие.

Таким образом, высокий паремиологический потенциал концепта «Власть» в русском и английском языках обусловлен спецификой распределения денотативных и коннотативных характеристик этого явления общественной жизни, что, в свою очередь, обусловлено высокой степенью значимости власти как действенного, справедливого, принципиального и в то же время достаточно гуманного инструмента влияния на жизнь простых людей, которые и составляют основной массив создания умных и метких высказываний на темы их повседневной жизни.

Литература

Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. – М., Гнозис, 2005. С. 326.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка. 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1990. 917 с.

Даль, В.И. Пословицы русского народа. – М.: Азбука, 2007. 98 с.

Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – Изд. 5-е, перераб. – М.: Русский язык медиа, 2006. 1210 с.

Чекулай, И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук, Белгород, 2006. 472 с.

The Oxford English Reference Dictionary. – Oxford: Oxford Univ. Press 1996. 1728 p.

Summary. The article deals with the problem of distribution of the inner form of the words within the paremiological units belonging to the Russian and English linguistic cultures. The idea is expressed that rich paremiological potentials of using the concept “Power” is inherent in both cultures due to the application of the inner form to the spheres of both denotative and connotative meaning which content is determined by the complex value structure of the concept with the consequent rich possibilities of expressing evaluative reference in the form of set-expressions in both languages.

Key words: inner form, paremiology, set expressions, concept, linguistic culture, value, evaluation.